

УДК 19:141.3

**ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ:
РОЛЬ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

Полетаева Ю.Г.

В статье рассматривается определение исторического процесса, в рамках которого предполагается отождествление понятия истории и целесообразности. Проблема исторической целесообразности сформировалась в рамках немецкой классической философии. И. Кант рассматривал понятие целесообразности, опираясь на представление о телеологической причинности, обусловленной познавательными способностями субъекта. Г. Гегелем проблема исторической целесообразности решалась в русле концепции историзма. Содержанием историзма становится принцип, снимающий в себе оппозицию природы и свободы, онтологически представленный в виде субъект-субстанции, самоизменяющейся и саморазвивающейся. Результатом переосмысления этой концепции является идея исторической деятельности (субъекта). Человеческая деятельность выступает источником, обуславливающим основные признаки истории как особой формы человеческого бытия в условиях исторического многообразия.

Ключевые слова: целесообразность, исторический процесс, свобода, деятельность, цивилизация.

**THE ISSUE OF HISTORICAL FUNCTIONALITY:
THE ROLE OF THE SUBJECT IN THE CONTEXT
OF THE HISTORICAL PROCESS' OBJECTIVITY**

Poletaeva Y.G.

The article deals with the definition of the historical process, which is supposed to identify the concept of history and purposefulness. The problem of historical purposefulness was formed within the framework of German classical philosophy. Kant considered the concept of purposefulness based on the idea of teleological

causality, due to the cognitive abilities of the subject. Hegel solved the problem of historical expediency in the mainstream of the concept of historicism. The content of historicism is the principle that removes the opposition of nature and freedom, ontologically presented in the form of a subject-substance, self-changing and self-developing. The result of rethinking this concept is the idea of historical activity (the subject). Human activity is a source that determines the main features of history as a special form of human existence in conditions of historical diversity.

Keywords: expediency, historical process, freedom, activity, civilization.

Доминирование стихийных сил социального процесса над сознательными усилиями индивидов входит в противоречие с допущением, на котором держится отождествление истории и целесообразности. А именно, что влияние внешних условий, влияние среды на функционирование социальной системы можно свести к нулю. Без хотя бы относительной независимости общества от природы возможность истории будет иметь формальный характер. В этом случае социальный процесс будет иметь циклический характер. Циклизм же по своей сути есть «отсутствие» истории, не в том смысле, что завершением круга станет возвращение общества к первобытному состоянию, варварству и дикости каменного века. «Отсутствие» истории в данном случае означает отсутствие прогрессирующих изменений, ускоренного развития. Это – ситуация, в которой человеческое общество превращается в биологический вид с достаточно сложной социальной структурой, использованием техники и другими особенностями, выделяющими его среди прочих видов животных. Но отличие человека от сообществ живых существ, ведущих стадный образ жизни и коллективную жизнедеятельность (муравьи, пчелы, бобры)? в этом случае будет не качественным, а количественным.

Предположение о возможности социобиологической ветви антропосоциогенеза – вовсе не гипотеза в свете существования примитивных обществ Центральной Австралии. Сравнительно недавно открытые европейцами, они существовали в «нулевом», с точки зрения так и не

начавшейся истории, времени как составная часть местного, изолированного от других человеческих сообществ, биогеоценоза. Их приобщение к основам цивилизации, к исторической жизни стало результатом нарушения тысячелетней изоляции от «большого мира», а не внутренней эволюции. «Отсутствие» истории означает возвращение социума к природе. Говоря шире, социальность может иметь не только историческую, но и природную, натуралистическую версию, и, следовательно, не существует фатальной неизбежности перехода общества к историческому развитию. А это значит, что постоянно сохраняется возможность переключения общественного развития из режима исторического в режим натуралистический. Между человеческим обществом и историей как определенным способом общественного развития всегда сохраняется определенная дистанция, так что история выступает как возможность, которая не реализуется автоматически, в соответствии с заданной программой или стихийно, за спинами людей [10, с. 138].

Узловым пунктом, в котором находили пересечение многие из этих вопросов, была проблема исторической целесообразности, которая сформировалась в немецкой классической философии. В рамках немецкой классической философии проблема исторической целесообразности представлена двумя основными подходами к ее решению. Первый из них связан с анализом проблемы целесообразности через призму телеологической (свободной) причинности. Основоположник этого подхода Кант исходил из того, что противопоставление причинного (механистического) и телеологического способов миропонимания заключено в различных способностях человека. Способом осуществления историзма стал субстанциалистский подход, реализованный Гегелем.

Преодоление кантовского априоризма Гегель начинает с ревизии оснований его метода. Содержание понятия как системы, соединяющей в некоем отвлеченном пространстве возможного мышление и субстанцию (вещь саму по себе), интерпретируется Гегелем как объективный, независимый от сознания онтологический процесс. По Гегелю, «абсолютная субъективность» –

это инобытие понятия. Для него, в отличие от Канта, органическая цель природы тождественна имманентной цели развивающегося разума. Изложение и развитие этого гегелевского положения мы находим у Н.Н. Трубникова: «Целевая деятельность и теоретически не может быть чем-либо иным, чем действием закономерностей самой природы. И тогда причинность "по целям", "причинность из свободы" не только не опровергает причинности "из необходимости", но предполагает ее, оказывается возможной лишь при ее непереносимом условии» [11, с. 32]. Снятие кантовской оппозиции природы и свободы, подчинение и того, и другого более высокому (общему) принципу ведет к исключению этического аспекта целесообразности посредством объективации целесообразности как «в-себе-понятия», фундированного развитием [2, с. 71].

Этот более высокий (всеобщий) принцип, снимающий в себе оппозицию природы и свободы, есть логическое, онтологически представленное в виде субъект-субстанции, то есть субстанции, получившей способность (в отличие от Спинозовской «*causa sui*») к самоизменению и саморазвитию. В контексте так понятого логического истолковывается понятие целесообразности. Теперь оно предопределяет жизнедеятельность, ее самосохранение и самовоспроизведение, в результате чего живое является тем, что «себя сохраняет» и «в себя возвращается». Сущность «немеханических» отношений (в том числе, этики и морали) может быть раскрыта лишь через объективацию целесообразности. В соответствии с этим история понимается как диалектическое развитие человечества, осуществляемое посредством целесообразной деятельности. Данный тезис широко представлен в работах советских марксистов 60-80-х гг. XX века (Э.В. Ильенков, Н.Н. Трубников, Н.В. Мотрошилова, Т.И. Ойзерман, И.С. Нарский, М.Ф. Овсянников и др.).

Есть какая-то закономерность в том, что Гегель, элиминируя этическое начало из истории и целеполагания и, сводя нравственность на роль организационно-нормативных правил устройства жизни человека в обществе, ее институциональной структуры (семья, гражданское общество, государство),

вынужден выдвигать на первый план феномен опосредствования и связанные с ним средства познания и деятельности, технику.

Именно в технике и благодаря технике преодолевается зависимость исторической жизни от действия природных факторов, обуславливающих круговое, циклическое движение социальных процессов. Опосредствование разрывает "дурную" повторяемость циклического движения и рождает перспективу – возможность направленного, линейного движения к установленной цели. Это и есть, собственно говоря, возможность истории, включающая в себя и свободу, и разум, и действие человека. Но у Гегеля, в отличие от Канта, человек «утерян» – этот упрек философов-экзистенциалистов, Сартра, в первую очередь, в сторону Гегеля и советских марксистов сохраняет свой смысл и поныне. Место человека в истории занимает диалектическая механика опосредствования – техника и труд. Взятая в этом значении, техника превращается в универсальный фактор исторического процесса. Она диалектически сопряжена с социальной и индивидуальной жизнью человека, более того, техника является формой самопорождения субъекта [5, с. 365-368].

Вводимая Гегелем система диалектического опосредствования соотношения между миром природы и миром свободы включает в себя три элемента: 1) условия как нечто предполагаемое и случайное, представляющее собой пассивный материал, входящий в содержание предмета; 2) предмет, имеющий внешнее существование и 3) деятельность (человек) как движение, в ходе которого предмет «отрывается» от условий и получает новую форму существования.

Диалектическое опосредствование как нечто третье по отношению к миру природы и миру свободы имеет в гегелевской концепции истории значение ее начала. Действительным субъектом в этой системе (начало истории) выступает целесообразная деятельность, подчиняющая себе человека. Существующий в сфере случайного, человек обладает не свободной волей, а выбором, который по самому своему существу является, с точки зрения Гегеля, формальной,

мнимой свободой [4, с. 319]. И тогда носителем исторического оказывается деятельность, "очищенная" от влияния случайного со стороны внешней среды, от произвола (мнимой свободы) человека и способная быть проводником идеального плана. Эта идеализованная деятельность и есть техника как воплощенная сила знания. Последнее определение принадлежит уже Марксу.

Двигаясь в русле разработанной Гегелем концепции истории, Маркс отводит роль диалектического опосредствования или, что то же самое, начала истории, труду. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» [7, с. 188].

В структуре труда мы находим все те же, установленные еще Гегелем элементы: предмет, условия, целесообразная деятельность (самый труд). Но появляется и нечто новое. Маркс специально подчеркивает особую роль целеполагания: решающим отличием «наихудшего архитектора» от «наилучшей пчелы» является его способность заранее строить идеальный план желаемого объекта, ставить цель, которой затем он подчиняет все свои физические и духовные силы [7, с. 189]. Эта способность человека к целеполаганию является его родовой способностью, отличающей человека от всех живых существ.

Согласно К. Марксу именно человеческая деятельность является необходимым регулятором отношения человека к природе и создает сверхприродную реальность. Человеческая деятельность выступает источником, обуславливающим основные признаки истории как особой формы

человеческого бытия в условиях цивилизации – необратимость, наличие смысла, направленность. Уже в ранних работах Маркс отмечает: «вся история человечества есть не что иное, как образование человека человеческим трудом» [8, с. 11].

Мы разделяем мнение К.Р. Мегрелидзе, согласно которому предметы материальной действительности у Маркса «представляют собой намеренное осуществление сознательно предусмотренной идеи, являются продуктами целеустремленной деятельности, а потому – целеопределенными вещами» [9, с. 35]. Таким образом, трудовое опосредствование создает качественно новую реальность, создаваемую целесообразной человеческой деятельностью. Труд в его культуросозидающей, "историеобразующей" функции выступает как производство индивидами условий своего существования, как «производство собственной жизни». Следовательно, в труде и благодаря труду человек устанавливает опосредствованные, искусственные (культурные) связи – основание нового способа существования, «делает историю».

Целеполагание является качественно необходимым элементом функционирования той или иной системы. Целеполагание рассматривается как атрибут социальной системы деятельности. Процесс целеполагания (уровень человеческой субъективности) – проекция общественно-предметных форм, «общественных вещей» на область сознания. Целеполагание имеет объективный (предметный) характер, порождено дифференцированной системой социальной деятельности, обладающей свойствами целого. Таким образом, предметный характер целеполагания указывает на наличие некоего первичного объективного субстрата (вещи, свойства и отношения), замещаемого посредством сложной социальной механики идеальным планом желаемого предмета. Сознание, мышление, обусловлено предметной ситуацией субъекта. Нижеследующие размышления К.Р. Мегрелидзе раскрывают основы марксовых представлений о роли труда и техники в истории – истории становления человека и истории общества. Способность идеации, отличающая человека, выражает отношение опосредствования, определяющего «поле

сознания». Но способность идеации проявляется не в образовании идеи, а в ее овеществлении, в рационализировании вещей. «Разумна не природная действительность, а действительность, созданная человеком в результате его сознательной деятельности. Разум имеет предметное бытие только в мире культуры, создаваемой человеком. Здесь он действительно живет во внешних вещах. Мы могли бы назвать это *объективным разумом* (курсив наш – Ю.П.). Вещи могут сохранять на себе печать разума и являться носителями идеи. Формы этого воплощения бесчисленны и одну из наиболее плодотворных по своим историческим последствиям форм представляют воплощение мысли в инструменты, орудия, машины» [9, с. 134]. Техника («целеопределенная вещь», орудие труда) разрешает самопротиворечивость (антиномию) реального и идеального, индивидуального и коллективного, необходимости и свободы.

На телеологическую (целеполагающую) функцию техники и технологического взаимодействия в промышленном обществе, обращает внимание также А. Агг. Он объясняет промышленную революцию как бесконечный прогресс следствий и причин, вызванный имманентным социальным преобразованием промышленного общества. Форма эксплуатации – присвоение рабочего времени как фундаментальная абстракция капиталистического производства сопрягается с революционизирующим воздействием обобществленного труда в процессе производства относительной прибавочной стоимости. «Маркс подробно раскрывает последовательность преобразований: прорыв нового "способа производства" происходит в центральной сфере производства и оттуда распространяется на общество в целом, изменяя в то же самое время "способы труда" людей и приводя к радикальному преобразованию их "образа жизни"» [1, с. 47].

«Образ жизни» – категория, отражающая совокупность типичных форм и видов жизнедеятельности, как индивида, так и общества в целом, конденсирующая социальный опыт в единстве с условиями жизни. Данная категория воспроизводит комплексную взаимосвязь основных сфер жизнедеятельности. Вследствие этого феномен технологического подчинения

рабочего, сопряженный с высшей ступенью обобществления производительных сил труда – промышленным обществом и технической революцией, Маркс истолковывает посредством понятия субъективной производительной силы. В ходе анализа промышленной революции, следуя Гегелю («абстракция в производстве делает труд все более механичным... человек может уйти и уступить свое место машине» [3, с. 239]), Маркс утверждает, что интенсивная индустриализация переступает через непосредственный мир обезличенного частичного индивида и дает толчок противоборствующей тенденции – освобождению человека, изменению соотношения между рабочим и свободным временем. Это – единый процесс порождения необходимости (социального детерминизма) и свободы в поступательном движении истории. Более того, как полагает А. Агг, взаимодействие «способа производства» (всеобщее) и «образа жизни» (особенное) имеет телеологический характер, поскольку преобразование «образа жизни» как специфической среды крупного промышленного производства представляет собой его причину и его конечную цель [1, с. 49].

Развитием и конкретизацией данных положений является анализ историко-антропологического среза развития техники и технологий в исследованиях отечественных авторов. Согласно подходу, представленному в работах С.Н. Григорьяна, А.А. Кузина, Б.М. Кедрова, целенаправленная практическая деятельность, осуществляемая посредством промышленности, техники, порождает (и воспроизводит) преобразование природы по «мерке» человека. Техника трактуется здесь как категория производства, обеспечивающая соотношение целенаправленной организации процесса труда с многообразием форм жизни и деятельности человека. Другими словами, человек как исходный и смысловой пункт реконструкции целого (общества) получает функциональное бытие, растворяется в практической (чувственно-предметной) «специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям» [6, с. 51].

С нашей точки зрения, Маркс рассматривал технику как систему искусственных органов деятельности человека, развивающуюся под воздействием разделения труда и непосредственно вызывающую радикальное преобразование жизнедеятельности («образа жизни») индивида. В силу этого развитие техники способствует переходу от технологий инструментального характера к технологиям, опирающимся на интегративные антропологические основания. По Марксу, технологии освоили основные формы движения, в которых совершается производительная деятельность человеческого тела.

Техника враждебна жизни человека не сама по себе, но в роли демиурга социальных процессов – обстоятельство, не замеченное Гегелем, который не сделал должных выводов из приобретающего массовый характер факта, что машина все более и более вытесняет человека из производства. Кардинальным следствием этого факта станет «восстание масс» – феномен, в полной мере проявившийся в XX веке, но предугаданный Марксом под именем коммунизма. Вообще социальная мысль с завершением наполеоновских войн сосредоточивается вокруг вопроса о смысле переживаемой эпохи. Для одних основным выводом является идея конца истории, для других – идея нового начинания, перспектива нового мира. Но в этой смысловой взаимосвязи идеи «конца» и идеи «начала» просвечивает истина истории как непрерывного становления, в котором разрешается структурный для истории конфликт исчезновения (прехождения) и возникновения.

Бескомпромиссная острота, которую приобрел вопрос о сущности («истине») истории, накал мировоззренческих, философских и теоретико-методологических дискуссий, отзвуки которых докатываются и до нашего времени, свидетельствуют об исчерпанности той модели истории, которая сложилась в рамках цивилизации под воздействием этического кода.

Список литературы:

1. Агг А. Мир человека как субъекта производства. М.: Прогресс, 1984. 197 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т.3. Субъективная логика или учение о понятии М.: Мысль, 1972. 371с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452с.
5. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 615с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1960. 907с.
7. Маркс К. Критика политической экономии. Т.2. Кн. II: Процесс обращения капитала / Изд. под ред. [и с предисл.] Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1978. 648 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера. М.: Ленанд, 2019. 642 с.
9. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. М.: ЛКИ, 2007. 488с.
10. Полетаева Ю.Г. Проблема начала истории: роль социальных систем в становлении цивилизации // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3-4. С. 137-141.
11. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М.: Высшая школа, 1968. 148с.

Сведения об авторе:

Полетаева Юлия Геннадьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного аграрного университета (Екатеринбург, Россия).

Data about the author:

Poletaeva Yulia Gennadevna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy Department, Ural State Agrarian University (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: jpkamch@gmail.com.